

Алоха, Пхова!

В каютах засуетились. Перед этим появилась Сонхва с шариком риса на завтрак и сказала, что они скоро прибудут в Пхова, а через какое-то время наконец-то показались очертания островов. Это был двенадцатый день после отплытия из Кобе и третий месяц с тех пор, как они покинули родной дом. И хотя Подыль прибыла на острова Пхова, встречи с которыми так долго с нетерпением ждала, она не могла даже взглянуть на них из-за морской болезни. Первые дня два после отплытия девушку до горечи тошнило, но она насильно заставляла себя выходить на палубу, чтобы хоть немного рассмотреть людей и море. Однако победить морскую болезнь ей так и не удалось. Ничего не оставалось, как лежать, закрыв глаза, ведь стоило даже поднять голову, как ее выворачивало наружу. И все же благодаря тому, что Сонхва острым концом гребня для волос надавила ей на точку для иглоукалывания, голова девушки стала болеть чуть меньше.

Помимо Сонхвы и Хончжу за Подыль ухаживали Чан Мёнок из Чинчжу и Ким Максон из Сувона, которые также отправились в Пхова невестами по фотографии. Обеих девушек Подыль, Хончжу и Сонхва называли «онни», то есть «старшая сестра»: Мёнок была старше них на два года, а Максон — на год. Поначалу девушки так переживали за Подыль, что это их сплотило, отчего сама Подыль

чувствовала еще больший стыд за то, что стала для всех бременем. В узких и вонючих каютах третьего класса сидеть не хотелось, разве что возвращаться для сна. Хончжу собиралась купить билет во второй класс, но потратила все деньги, остальные же старались сэкономить, поэтому взяли третий.

— Мне одной спокойней. Не волнуйтесь, лучше идите осмотритесь. Посмотрите за меня, а потом придете и всё мне расскажете.

Постепенно после просьб Подыль все четыре девушки стали выходить из кают чаще.

Даже с закрытыми глазами Подыль почувствовала, что люди выходят. Она лежала, стиснув зубы, молясь, чтобы ее хотя бы не вырвало съеденным завтраком. С пожелтевшим лицом и ватными ногами — в таком виде она никак не могла предстать впервые перед Тхэваном. Ей хоть немного, но нужно было прийти в себя. Решив, что она встанет, когда корабль полностью остановится, и пытаясь совладать с морской болезнью, Подыль вспоминала, что случилось с ней за все это время.

Казалось, что после того, как девушка покинула дом, она все время находилась на этом беспрерывно качающемся корабле. За эти три месяца она пережила больше, чем за все семнадцать лет жизни в Очжинмаль. Все, что с ней произошло, было для нее впервые и так же головокружительно, как эта невыносимая тошнота. Подыль, Хончжу и Сонхва сели на ночной корабль в Пусане и утром прибыли в Симонсеки. После этого они сразу погрузились на поезд в Кобе. А оттуда, как им говорили, они должны были сесть на корабль в Пхова.

Хончжу, которая неплохо знала как устный, так и письменный японский, выступила вперед. Рано покинувшая школу Подыль смутно припоминала, что такое хирагана

и катакана* . И все же благодаря школе отца она могла читать иероглифы. Все это время Подыль считала себя взрослее и лучше Хончжу и в шитье, и в ведении хозяйства, но тогда она поняла, что хороша лишь только в своем собственном узеньком мирке. Не зная даже хангыля Сонхва, прямо как в детстве, когда боялась отпустить маму, держалась за подолы платьев Подыль и Хончжу, не отставая от них ни на шаг.

— Не оглядывайтесь по сторонам, словно деревенщины, а следуйте за мной!

Подыль было неприятно, что Хончжу обращалась к ней так же грубо, как к Сонхве. Когда они жили в Очжинмаль, ее знаний было достаточно, чтобы читать одолженные у Хончжу романы и писать письма родственникам мамы и Кюсику. Только покинув родную деревню и Чосон и по-настоящему ощутив силу знаний языка и письменности, Подыль еще больше убедилась в правильности своего решения выйти замуж за Тхэвана, чтобы иметь возможность учиться.

«Мы едем в мир, где нету японцев, потому их ничтожный язык можно и не знать. Я сначала выучу американский. Просто погоди».

Представив, как она вскоре заговорит по-английски так же свободно, как и на родном чосонском, Подыль вздохнула с облегчением.

В то время самой большой переменной стали их отношения с Сонхвой. Первой, кому стало плохо в дороге, была Хончжу. Ей сделалось худо от пирога из рисового теста с красной фасолью чхалпсалытток, который она купила в Пусане перед отправлением в Японию. Как только Хончжу с потемневшим лицом, обливаясь холодным потом, обмякла, Сонхва вынула из своего узелка мешочек для иголок. Подыль с удивлением наблюдала за необычно проворной

* Две японские азбуки.

Сонхвой. Спокойно обвязав пальцы Хончжу ниткой, Сонхва уколола ее иголкой и пустила кровь. На подушечках проступили темные капли. Затем она сильно надавила руками на акупунктурные точки солнечного сплетения и стоп, после чего Хончжу громко рыгнула, и к ней вернулся здоровый цвет лица. В Очжинмаль при отравлении бабушки и матери прибежали к иглоукалыванию, но Сонхва, которая знала даже расположение акупунктурных точек, выглядела настоящим лекарем восточной медицины.

— Где ты энтому научилась?

— Ходила за травами... от бабушки... — пробормотала почтительно Сонхва в ответ на восторженную реплику Подыль.

— Эй, Сонхва, обращайся уже к нам как к равным. В новом обществе, куды мы едем, нету социальных рангов! — сказала Хончжу, словно смотря в будущее.

— Да, верно! — Подыль тоже было странно слышать, что Сонхва обращается к ней очень почтительно.

Как только Подыль и Хончжу стали обращаться к Сонхве на равных, девушка тоже стала постепенно им открываться. Тем не менее она по-прежнему боялась людей. Как говорила ачжимэ, после смерти матери Сонхвы ее бабушка Кымхва не отпускала внучку в деревню у подножия горы. Она боялась, что девочка, гуляя по деревням, навлечет беду, будучи ребенком, рожденным без отца. Как бы это ни было несправедливо, для шаманов в деревнях места не было.

Но и самой Сонхве не нравилась деревня, в которой дети бросали в нее камни. Ей больше по душе было приручать птичек и белочек рядом с домом или ухаживать за попавшимся в капкан зайцем. Иногда она тихонько разговаривала с животными. Мысль, что после ее смерти внучка останется в горах одна, не давала старой Кымхве уснуть. И тогда она услышала о свадьбе по фотографии от госпожи

Ан, которая пришла провести шаманский обряд. Собрав все деньги и даже украшения, что у нее были, Кымхва взяла Сонхву с собой и отправилась к пусанской ачжимэ.

— Я прошу вас, отправьте мою бедную Сонхву тоже в Пхова. Тоды там она, как девушка из обычной семьи, в любви с мужем вырастит детёв и сможет спокойно жить. Ежель отправите мою внучку, то и после моей смерти ваше доброе дело не будет забыто, я буду молиться за вас и за семью вашего сына.

Пусанская ачжимэ, которая навещала их дом в Суричже всякий раз, когда была неподалеку, не смогла отказать трогательным мольбам Кымхвы.

— Она все время жила в горах и не сможет отличить человека от зверя, поэтому, пожалуйста, обучите ее всему человеческому и отправьте в Пхова. Отныне она на вашем попечении, а у меня больше нету внучки.

Так Кымхва оставила Сонхву, которая готова была расплакаться, и отправилась домой. Ачжимэ уговорила девушку выйти из комнаты, успокоила ее, а потом они сделали фотографию, встретились со свахами и выбрали жениха. Женщина одела ее во все новое, сводила на рынок и постаралась сделать все, чтобы девушка привыкла к тому, как и где живут люди.

— Бабушка научила ее неплохо готовить рис и закуски. Да и шьет она сносно, чтоб состряпать себе одёжу, — рассказывала ачжимэ ночующим у нее подругам, когда выдавалась свободная минутка.

Еще ачжимэ сердечно просила Подыль и Хончжу присмотреть за девушкой, которая не видела в жизни ничего, кроме гор, чтобы она смогла ко всему приспособиться в Пхова. Но получилось наоборот — именно Сонхва помогла внезапно отравившейся Хончжу справиться с недугом. А также спасла Подыль, страдавшую от морской болезни.

Во второсортной гостинице, о которой рассказали пусанские свахи, более десяти девушек из Чосона ждали медицинского осмотра для отправки в Пхова. Им нужно было пройти два осмотра: на глазные болезни и на паразитов. Окулист принимал раз в неделю, осмотр на паразитов проводился раз в две недели. Если в первый раз не получалось сдать тест на паразитов, то через две недели нужно было сдать повторный. Подыль, Хончжу и Сонхва по очереди получили плохие результаты, поэтому их отправление откладывалось. Подруги поклялись, что, сколько бы ни пришлось ждать, они подождут друг друга, ведь они в одной лодке. Точнее сказать, Подыль и Хончжу решили, что не оставят Сонхву одну. Как только девушки покинули Чосон, они поняли, что втроем они сильнее, чем вдвоем, и то, что они жили у подножия гор Мэбонсан, уже делает их подругами из родной стороны. Остальные невесты завидовали Подыль и ее спутницам, ведь они были друг другу опорой и поддержкой.

Время, которое девушки провели в Кобе в ожидании отправки в Пхова, было невероятно прекрасным. В гостинице были невесты, которые не могли купить билет на корабль до Пхова, так как их родители не вернули им деньги, отправленные женихами. Но у Подыль с Сонхвой было достаточно средств, чтобы о них не волноваться, что уж говорить о Хончжу, у которой их было в достатке. У Подыль до этого никогда не водилось столько денег, и ей нравилось их тратить, хоть и руки ее тряслись за каждый грош-два. Девушке настолько не верилось, что можно жить вот так, в свое удовольствие, что каждое утро ей приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что она не спит.

В девять лет Подыль научилась готовить, и с того времени работа на кухне стала почти целиком ее обязанностью.

Но в день ее отправления еду ей готовила мама, в Пусане этим занималась Сонхва, а в Японии это была работа горничных в гостинице. Подыль было тяжело покидать дом, но сейчас ей было настолько хорошо, что из-за этого она чувствовала вину перед родными, оставленными в Очжинмаль. Девушка подумала, что если уж сам путь туда настолько прекрасен, то конечная его точка — Пхова — будет раем за гранью ее ожиданий. Каждый день подруги гуляли по Кобе и осматривали город.

Хотя все города, в которых побывали девушки, были портовыми, Кобе с огромными кораблями со всей страны сильно отличался от Пусана и Симоносеки. Там Подыль и ее подруги впервые увидели темнокожего человека. Это был моряк, занимавшийся погрузкой и разгрузкой судов.

— Ужли в мире бывают настолько темные люди?

— Да не кажи! — согласилась Подыль с Хончжу. Она видела белых, как хлопок, людей европейской расы, но черного, как соевый соус, темнокожего встретила впервые.

Застывшая на месте Сонхва больно схватила Подыль за руку. Почувствовав на себе взгляды девушек, моряк улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. До смерти напуганные этим подруги побежали со всех ног вглубь города и остановились в переулке, откуда было не видно пристань. Выдохнув и посмотрев на желтоватые лица друга друга, девушки прыснули со смеху.

Но не только люди там были диковинными. Не виданные до этого фрукты, деревья, дома, трамваи и машины, повозки и велосипеды наводняли оживленные улицы. Если уж Япония так сильно отличается от Чосона, то что же их ждет в Пхова? Подыль было интереснее всего взглянуть на стоящие на высоких холмах дома западных людей. Она представляла, как будет смотреть через прозрачные

блестящие стекла на красочные пейзажи Пхова, живя в одном из таких домов.

Подыль было достаточно одних мечтаний о чудесном месте, но у Хончжу все было иначе. По приезде в гостиницу в Кобе Хончжу тут же написала письмо Токсаму. В нем говорилось, что сумма, которую она от него получила, оказалась меньше, чем у других невест, и это ставит ее не только в постыдное, но и в затруднительное положение. На это Токсам отправил невесте еще десять долларов.

— Я думала, он отправит хотя б пятьдесят, а на десять-то что я вообще могу сделать?

Хончжу пусть и ворчала, но тут же отправилась в магазин, где потратила сразу всю сумму, купив женский костюм на западный манер, туфельки и шляпку. Японец, хозяин магазина, поначалу не обратил на девушек никакого внимания, но, узнав, что Хончжу действительно собралась покупать вещи, низко поклонился подругам и даже угостил их всех чаем. Несмотря на то что это была заслуга Хончжу, Подыль было приятно получить угощение от японца. Примерившая обновки Хончжу выглядела стильно, как и подобает жене американца. А с чемоданом, купленным ею в Пусане, она точно не останется без внимания.

— Как ты собираешься жить, ежели так спускаешь все деньги? — спросила Подыль, невольно щупая рукав и нижнюю часть воздушной блузки Хончжу. Со словами, что все это кружево, хозяин магазина показывал Подыль один наряд за другим. Все было настолько красивым, что хотелось скупить весь прилавок.

— Вы ж в Америку едете, вам нужно одеваться вот так. Поэтому напишите письма вашим женихам, чтобы они отправили денег. В Пхова эти деньги ничего не значат, — довольно сказала Хончжу, любуясь собой в огромное зеркало.

Подыль, получившая от Тхэвана только согласие на свадьбу без какой-либо личной весточки, никак не могла просить его о подобном. Даже в письме о примерном времени прибытия в Пхова, отправленном по наставлению хозяйки гостиницы, она ни слова не написала о деньгах.

«Я попрошу его купить мне что-нибудь по приезде. Не могу ж я просить о деньгах, покуда мы не встретимся», — успокаивала себя Подыль.

Письмо жениху Сонхвы помогла написать Подыль. Когда Подыль и Хончжу обсуждали Пхова, Сонхва сидела с отрешенным выражением лица, будто бы ей все равно.

— Кажись, она даже не знает, что такое замужество, — волновалась Подыль за девушку, вздыхая.

— А ты-то сама знаешь? Подыль, Сонхва, я сейчас вам расскажу, что такое замужество, так что слушайте внимательно!

Хончжу рассказала подругам, что делает жених в первую брачную ночь и что должна делать невеста. Хончжу разгорячилась, Подыль хихикала с покрасневшим лицом, а Сонхва с глупым выражением наблюдала за двумя девушками.

Подыль купила в портовой лавке плетеный чемодан. Ей было обидно, что она выглядела словно прислуга госпожи Хончжу. И хоть она не могла позволить себе купить одежду, как у подруги, ей очень хотелось поскорее перестать путешествовать с узелком. Что касается трат, как только Подыль, которая дорожила каждой монеткой, купила себе чемодан, Сонхва последовала ее примеру. В гостинице довольная обновкой Подыль переложила все вещи из своего узелка в чемодан. Сонхва сделала то же самое. По просьбе Хончжу обе девушки продефилировали по комнате с новыми чемоданами в руках. Уже только с этим предметом Подыль выглядела как современная девушка, которая едет на заграничную стажировку.

— Ах, как чудно я себя чувствую внутри! Наконец-то мы можем избавиться от этого!

Хончжу отбросила ногой развернутый на полу платок, служивший узелком. В этот момент сияющая улыбка исчезла с лица Подыль. За все эти дни девушка ни разу не вспомнила о своих близких. Даже когда она перекладывала сшитые мамой вещи в свой новый чемодан. День за днем ее жизнь наполнялась новыми радостными моментами, и в какой-то миг мысли о матери и братьях начали исчезать. Все эти вещи, которые раньше она сворачивала и обнимала с такой теплотой, а теперь выкинула из чемодана и выбросила вместе с узелком, напомнили ей о матери. Подыль вдруг начала мучить совесть, она плюхнулась на пол, обняла пустой узелок и заплакала.

— Давайте сфотографируемся все вместе перед отплением корабля! — предложила Хончжу, когда они успешно прошли медицинский осмотр и выбрали день отплытия.

Подыль поддержала идею. Как только она доберется до Пхова, сразу станет замужней женщиной. Поэтому перед этим ей очень хотелось хотя бы на фотографии запечатлеть лица подруг, с которыми проделала такой долгий путь. Хончжу надела свои недавно купленные вещи в западном стиле. Подыль нарядилась в костюм для свадебной церемонии — шелковую юбку и кофту розового цвета — и сказала Сонхве последовать ее примеру. Подыль вытащила ленту из волос Сонхвы и наконец-то собрала ее волосы в пучок. Все три девушки отправились в фотостудию.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

